

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОИКИ

Фани Вúталь

ПТИЦА НА ПРИВЯЗИ

Киноповестъ

Москва
2017

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

В 54

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может переиздаваться или распространяться в любой форме и любыми средствами, электронными или механическими, включая фотокопирование, звукозапись, любые запоминающие устройства и системы поиска информации, без письменного разрешения Правообладателя.

В 54 Виталь Ф.Ю.

Птица на привязи / Киноповесть. — М.: НАП и СМИ «Русский литературный центр», 2017. — 174 с. — («Благотворительный книжный проект «Классики и современники»).

Анне 23 года, она живет в городе М. — современном мегаполисе. Когда она узнает о терактах в Африке, где работают ее родители, она собирается срочно вылететь к ним. Но задымленный Город М. словно не выпускает ее из своих каменных «объятий». В растерянности, она сидит на подоконнике и видит, как в ее машину, припаркованную во дворе, врывается огромный гелендваген. Так, она знакомится с эксцентричной девушкой Герой, и незаметно для себя попадает под влияние ее сильной личности. Под давлением Геры, Анна неожиданно приходит к мысли, что она сама виновна не только в исчезновении родителей, но и в смерти своего брата. Погруженная в свои сомнения, Анна не замечает, как Гера уводит у нее парня. Теперь сходство ее с Герой биографий кажется ей странным. Она делает вывод, что Гера не та, кем кажется. И Город М. тоже не тот — он требует жертв.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00014-176-2

© Виталь Феофания Юрьевна, текст, 2017.

© Национальное агентство по печати и СМИ «Русский литературный центр», 2017.

© Валова Ольга, картины на обложке, 2017.

Я бы хотела выразить самую тёплую благодарность всем тем, кто оказывал мне поддержку и помощь – прямую и косвенную – в издании этой книги.

Спасибо вам,

- Валентина
- Юрий
- Анна
- Тарас
- Вера
- Галина
- Алла
- Илья
- Олексий
- Инна
- Наталья
- Юлия
- Николай
- Юлия
- Наталья
- Олеся
- Алиса
- Томас
- Кор
- Ирина
- Ольга
- Валентина
- Никита.

*Посвящаю моей маме
и моему любимому городу М.*

*«Целое — это некая реальность,
отличная от суммы его частей»*
Кристиан фон Эренфельс.

Часть I.

(495)

Он не хотел меня отпускать.

Вцепившись сильными, загорелыми руками, он душил меня в своих каменных объятиях, заставляя вдыхать до слюноотделения сладковатый, слегка копченый запах его рукавов, оставлял на моей шее влажные следы своего дыхания. Он присвоил меня себе – жестко и бескомпромиссно. Не отпускал именно тогда, когда мне это было особенно нужно. Когда было необходимо улететь отсюда, чтобы найти их. Или – не найдя их – сбежать куда подальше.

Этот город не отпускал меня... Город М.

* * *

Вы скажете, что не было у меня реальных причин, чтобы в тот момент беситься или беспокоиться. Престижный вуз, тачка, родители за рубежом – значит, не достают. Если бы всё было так просто! С уверенностью могу сказать только одно – это был первый в моей жизни реальный кризис: я не знала, куда теперь идти, чем заняться.

В шестнадцать, после школы, всё было ясно, как в погожий денек бабыим летом на смотровой в Воробьевых горах: город лежит перед тобой на ладони, и тебе прозрачны все его мотивы, все его настроения. Я знала, что эти пять лет нужно провести с ним – ходить в универ, не задумываясь о том, что делать дальше. Пять лет пусть относительной, но определённости. И после универа, чтобы хоть как-то сохранить это состояние, я сразу нырнула в новую определенность – решила получить второе высшее. Это ещё два года беспечной жизни.

И вот теперь, когда второй диплом уже месяц как был получен, я почувствовала, что всё рухнуло. Меня вынули из моей стихии, из отлаженной системы, где всё было расписано, где каждая лакунка времени была наполнена под завязку. Я выброшена волной на берег и судорожно открываю рот, вдыхая задымленный смрад этого города.

Мои одноклассники — дело другое. Закончили, стёрли пот с лица — «Фух, отмучились! Теперь учиться больше ничему не надо. Научились уже — на всю жизнь хватит!». По их мнению, вот только теперь ты, наконец, и свободен — живи и радуйся. Кто-то, прямо в июне, забросив оба диплома на антресоли и достав оттуда чемодан, взял годик «каникул» и рванул в Индию. Кто-то нашел себе работу — синекуру у папы, где можно гонять балду, и живет себе, особо не напрягается: журнальчики почитывает, в киношку ходит.

Я пробовала найти работу, но, кажется, ни одно из моих образований не имеет реального приложения в жизни. Сейчас я бы предпочла делать что-то руками, потому мой мозг уже и так закипает от жары и всех моих проблем. Но, увы, я не плоттерщик, не долбёжник, не гибщик металлоконструкций — и никто из тех, кто, судя по объявлениям в сети, нужен работодателям. Я бы даже согласилась быть простым сушистом или пиццамейкером, или шаурмистом, на худой конец. Но не берут! Уже три недели я слоняюсь со своей писаной торбой, двумя дипломами, как с парой синих мертвых близнецов, по разным агентствам, обещающим меня трудоустроить. Бесперспективняк. Город вымер.

На улицах этого мёртвого города я натываюсь на обкуренные лица прохожих, больше похожих на призраки, выплывающие из дыма, чем на людей. В моду вошли веера, брызгалки и марлевые повязки, но ничего не спасает. Жара стоит адская, и где-то недалеко от города вот уже третье лето горят торфяники, посылая на нас проклятье удушья. Немилосердный дым чадит своим кадилом, выкуривая из города, как ему думается, всю нечисть. Все, кто мог свалить отсюда в это лето, давно свалили: чиновники отправились на свои Канары, лицедеи на театральные гастроли, а те, кто не спрятался, я не виноват — сердечники гибнут пачками от голода, сурового кислородного голода.

И тут — надо же такому случиться — вдруг пропали мои родители...

Свесив одну ногу на улицу и прислонившись спиной к раме распахнутого окна, я сидела на необъятном подоконнике пятого этажа своего векового дома. Я была на грани нервного срыва. Наверное, поэтому меня мало волновало, сорвусь ли я с этого окна...

В траве зажигались и гасли едва заметные светляки. По крайней мере, так мне казалось. В ноздри настырно лез вездесущий запах гари. Возможно, я опять надышалась дымом, и теперь у меня глюки. Да, курить, будучи уже обкуренной торфяниками — это не самая лучшая идея. Однако, я всё-таки потянулась к столу и, нащупав в темноте пачку «Беломора», вцепилась в нее, будто в руку, которую мне из марлево-белесой завесы темноты подал какой-то невидимый, но вполне осязаемый друг.

«Гарик!» — подумала я. Эта пачка — единственная роскошь, оставшаяся после моего дэрэ. Вообще-то я была против того, чтобы Гарик таскал ко мне всякую дрянь. Но он парировал, что это типа не дрянь, а «Беломор-рулетка»: в каждой пачке он припрятал «бомбу» — пару непростых папиросок — с дурью.

Еще какие-то три дня назад я чувствовала себя почти пай-девочкой. А сегодня подумала: «Всё. Полный абзац! Надо покурить. Может, поможет?». Подражая Гарику, я ловко выбила из пачки постукиванием о колено одну папиросину и втянула в себя ее запах так, словно в нем были все ответы, всё спасение...

Вообще-то ночами тут сравнительно тихо. Спать на Малой Бронной ложатся довольно рано, редко какая машина в это время въедет во двор. Моя маленькая «божья коровка» удобно притулилась среди громоздких машин — там, где больше никому и не встать. И каких только понтовых тачек не встретишь на Бронной! Моя, пожалуй, самая скромная среди них.

Дедушка подарил мне ее пару лет назад — сразу и на дэрэ, и в честь получения первого диплома. Она мне понравилась с первого взгляда — ладненькая, покатаая, красная — ну разве что черных пятен не хватает. Но портить новенький миникупер такой сомнительной аэрографией мне было жаль. Поэтому дедушка (он у меня еще тот приколист!) прилепил на заднее стекло, вместо банального предупреждающего стикера «туфелька», знак «Осторожно — коровы!». Корова там самая что ни на есть настоящая, со всеми рогами-пирогами и копытами, только вдобавок имеет крылья и окрас своей не-

бесной «тезки». Вот мы с дедом и стали называть мою Мими божьей коровкой.

Я сидела на вершине облака, а настроение было – хоть вешайся. С высоты пятого этажа я смотрела на задымленный двор, где сквозь молочный шлейф практически недвижимого воздушного клуба слабо просматривались туманные очертания машин. И тут я увидела три каких-то плывущих по дну двора светляка. Одновременно с этим зазвенел трек ди-джея Next «Отрываюсь от земли». Светляки выплыли из дыма, и стало понятно, что это мерцающие в ночи телефонные дисплеи: во двор забрели трое подвыпивших тина лет четырнадцати. Хит, сдавленный телефонным динамиком, отзудел мегакомаром, потом отщелкал электричеством ЛЭП, потом опять переродился в комара. Его абсолютный клон затянул ту же песню из второй мобилы, с той лишь разницей, что отставал на несколько секунд. Неожиданно вторая мелодия удачно наложилась на первую, и Некст, без его на то ведома, завел стройным хором.

А потом – быц-быц! – третий пацан поставил на своей мобиле композицию “Moscow Never Sleeps”. Ну, это уже, конечно, диверсия – бомба в ночной тиши двора.

Мелкие стали шарить по карманам, искать что-то.

Я чиркнула спичкой и закурила. Мы с торфяниками теперь чадим на пару.

Я вдыхала сладковатый аромат беломорины, немного судорожно, словно всхлипывала после долгого плача. Мне совсем не хотелось думать, виновата ли я в том, что произошло. Моя совесть сама неизбежно выносила приговор: виновна...

Один из тинов, самый высокий, поднял голову, словно услышав мой чирк. В темноте, при свете дальнего фонаря, я могла видеть силуэт его стилижно загеленного, на манер лисьего носа, чуба.

— Эй, слышь? Ты как звать? Зажигалку сбрось, а?!

Я была не слишком расположена вступать в дискуссии, поэтому просто молча бросила спичечный коробок вниз.

— А покурить есть? – не унимался Лисий Нос. Лисята поменьше захихикали.

«Больше всего мне сейчас хочется остаться одной, чтобы...» — мысль на мгновение повисла в воздухе, затем стружкой дыма медленно покинула мой рот и, выплыв в открытое окно, плавно влилась в общее озерцо дворового дыма. Я выбила из пачки половину папирос на подоконник, а саму пачку, где оставалось еще штуки три, злобно бросила вниз. «...Остаться одной, чтобы ока-

заться наедине с собой», — кто-то медленно разжевал эту тягучую мысль-тавтологию в моей голове. Кажется, в этом чаду я и соображаю, и действую медленно и плавно, сообразно движению потоков дыма.

Лисий нос радостно взвизгнул. Но, ловко поймав пачку и разглядев ее при свете фонаря, он с недоумением поднял голову вверх. Видно, понял, что перед ним простой «Беломорканал», а рассчитывал он, судя по всему, как минимум на «Парламент».

— Чё за штука! Ты чё ваще?! В каком веке живешь?!

— Жсть! — поддержал его приятель.

— Слышь! А может, ты и сама к нам спрыгнешь? — школота явно вызывала меня на бой. — Посмотрим на это чудо!

Я поняла, что так просто мне от них не отделаться. Неохотно поднялась, сняла очки, положив их на стол, встала на подоконнике в полный рост и, максимально накренившись в сторону улицы, — благо высоты я не боялась даже в детстве — расставила руки в стороны, собираясь полететь...

Странное состояние... Я не играла. Просто была не в себе. И они это почувствовали.

— Чё это она? — забеспокоился Лисий Нос.

— Без понятия... Обкурилась, небось. Уже бледного словила. Может, не надо этот «Беломор»? — предположил кто-то из темноты.

— Эй, ты! Слышь...

На вершине последней «ы» взволнованный лисий голос сорвался, дав «петуха», и я поняла, что Нос не на шутку перепугался. На несколько секунд голос пропал совсем, был только шепоток — лисята совещались. Потом Лисий Нос опять заговорил.

— Мне ваще как-то параллельно. Прыгай, если хочешь...

Я стояла пластилиновой статуей, не шелохнувшись. Они притихли.

— Но меня как-то не втыкает. Кровяка на асфальте. Крыльев-то у тебя по любасу нет!

Вот уж не ожидала такой прозорливости. Пальцем в небо — а прав: сейчас я бескрыла, как никогда...

Мой пластилин внезапно обмяк и податливо стек с подоконника внутрь комнаты. Стараясь не слушать лисьих улюлюканий и аплодисментов, которые предназначались, без сомнения, Лисьему Носу, а не мне, я немедленно захлопнула окно.

Не включая свет, нашла телефонную трубку и села на пол. Закрыла глаза — «Господи, помоги...» — и набрала номер. Вообще-то

я, если честно, не так часто обращаюсь к Богу. Но сейчас не удержалась. Мне очень нужно услышать их...

Я вслушивалась в телефонные гудки с таким чувством, словно пыталась телепортироваться, как в «Матрице», на другой конец провода, самой же взять трубку и получить ответ на свой вопрос — хотя бы таким обходным способом. Но в ответ лишь прогремел взрыв. Я вздрогнула...

Включился экран телевизора — наверное, я случайно нажала на лежащий на полу пульт. Громкость была включена на полную. Я хотела выключить телек, но, увидев на экране африканские лица, застыла, не успев выдохнуть. Там могут быть они!

— На данный момент нам известно о семидесяти четырёх жертвах этой трагедии, — прогремел в моих ушах голос диктора. — Первые теракты были осуществлены одновременно в ресторане и баре регбийного клуба на последних минутах финального матча Чемпионата мира по футболу между сборными Испании и Голландии. И вот, две недели спустя, здесь прогремели еще два взрыва...

Среди раненых, которым оказывали первую помощь, на экране мелькнул белокожий пострадавший. Мое сердце замерло...

— Также официальный представитель правительства сообщил, что трагедия унесла жизни нескольких иностранцев. Среди них — белая женщина, один человек индийской внешности и десять граждан Эфиопии или Эритреи...

На экране появился плачущий африканский мальчик с перебинтованной головой и окровавленной повязкой на глазу. Он бережно прижимал к себе беспородную псину — вероятно, единственное родное ему существо, чудом оставшееся уцелевшим.

Эта новостная сводка сменилась следующей: о том, как в Городе М. кругом умирают люди, чье сердце не справляется с дымом. Прямо «дымомор» какой-то.

Я выключила телевизор и, как в тумане, поднялась по лестнице в свою «нору».

Я долго обуючивала эту комнату на чердаке (что-то типа кабинета) — может, полгода, может, дольше. На потолке — небо с предзакатными облаками, на полу — «пляж» на ковре с подогревом, есть даже электрический фонтанчик. «Снобизм чистой воды» — скажете вы и будете правы. Но я не могла побороть искушение занять дома собственного писающего мальчика, золотого ангелочка, когда Гарик от чистого сердца притащил его ко мне (вечно он тащит сюда разные вещи). Феликс установил его в моей комнате, и мне вдруг показалось,

что журчание струи успокаивает нервы. Но знаете, что? Сейчас даже в обуюченной «норе» у меня не было ощущения безопасности. Ни в «норе», ни в Городе М. – наверное, нигде в мире.

В комнате было темно, пахло слегка заболоченным аквариумом. Уже несколько дней мне было просто ни до чего... Я опустилась на ковер и застыла в оцепенении — как птица, привязанная за ногу...

Видела я однажды в метро девушку, у которой на руке сидел стоящий сокол. На привязи. Вы меня, конечно, пока не знаете, но могу заявить с уверенностью: я совсем не похожа на какого-нибудь скинхеда. Но тут мне просто нереально захотелось им стать! И разгромить что-нибудь обязательно. Так было гнусно видеть птицу на привязи.

...Я опустилась на ковер. В одной руке – телефонная трубка, в другой – пульт. Через минуту я бессильно свалилась на пол, распятая между двумя беспроводными связями – телефоном и телеком. Обе казались мне в этот момент нелепыми обвесами, бесполезными изобретениями цивилизации. Я не швырнула их об стену только потому, что в этот момент раздался звонок в дверь.

Феликс был некстати, как никогда. Если вы хотите представить себе моего МЧ как можно ярче, просто пересмотрите фильм «Беги, Лола, беги». Феликс – вылитый бойфренд Лолы. И уши у него торчат точно так же. Вообще, я люблю трепать эту лопухость даже без именинного повода. Но сейчас... Мне было просто не до него.

— Ку-ку! – забасил он и, ввалившись в прихожую, нарушил мою темноту, — Ты чё полутёмничаешь? Забыла? Я ж темноты боюсь!

— Лися, не включай!

В глаза я называю его просто Лисей (волосы у него нежно-рыжие, как у лиса). Феликс, мне кажется, звучит как-то слишком жестко. К тому же и фамилия у него не мягкая – Железнов. Услышав эту фамилию, дедушка как всегда отпустил прикол — окрестил Феликса Железякиным. В принципе, это в точку: Железякин – гик еще тот, он как никто другой разбирается в компах и вообще, наверное, во всех железяках на свете.

Феликс включил свет. Я зажмурилась, а он, улучив момент во время моего ослепления, чмокнул меня в щеку и бесцеремонно, не разуваясь и не извиняясь за это, с огромной кучей каких-то коробок прошлепал в гостиную. Вот зачем, скажите мне, люди заводят бойфрендов? Чтобы они натоптали у вас дома? Или чтобы, услышав вашу просьбу не включать свет, сразу поняли с полуслова, что вы хотите побыть в темноте, причем в одиночестве? Я раздраженно

вышла из комнаты и... Я хотела бы сказать, что хлопнула дверью. Но тут мне придется пояснить, чтобы вы представили моё жилище в деталях.

Мне бы очень хотелось взять и выложить вам тут всё сразу – самую суть. И я сейчас с трудом преодолеваю свою «нервность» (как говорил мальчик Иван в фильме Тарковского). Но я постараюсь послушаться моего деда и «не бежать впереди паровоза». Да, мне нужно научиться не торопиться, поэтому и вы немного потерпите. А еще дедушка любит говорить: «В деталях – Бог». И, возможно, именно его немецкая кровь навязывает мне желание разложить всё по полочкам.

Есть одна деталь – очень важная в моем доме. С межкомнатными дверями у меня в квартире не очень.

Из прихожей в гостиную ведет арочный проем. Из гостиной в кухню – точно такой же проем, зеркально отражающий первый. На втором этаже, над кухней, расположилась «нора». Это мое личное пространство: кабинет, примыкающая к нему крошечная спальня и душевая (места для ванны в ней не хватило). В обе комнаты можно также войти с портика, которым продолжается лестница – и ни там, ни там, опять же, дверей нет. Есть лишь легкие белые занавески в легкомысленную мелкую ромашку. Я не очень люблю замкнутые пространства, и это была моя идея дизайнера квартиры, которую поддержала мама.

Конечно, в верхней душевой и нижней ванной двери есть. Но если вы будете хлопать именно ими – вряд ли ваш бойфренд поймет это правильно. В лучшем случае он подумает, что вы отправились по нужде.

Единственная в нашей квартире нормальная межкомнатная дверь ведет в спальню родителей. Она тоже расположена на втором этаже, в противоположной стороне от гостиной – над прихожей. Над гостиной же родители, челы не без фантазии, потолок, ведущий на чердак, разрушили совсем, поэтому тут он получился высоченным. Эта огромная комната делит квартиру на два «крыла»: северное и южное. Родителям достался Юг, потому что я взяла себе Север. Вот такая ориентация.

А теперь та самая, важная деталь. Родительская комната уже давно заперта на ключ. Но не папой, который трепетно относится к своим японским гравюрам, циновкам из рисовой соломки и коллекции восточных чаев с посудой для церемонии. И не мамой, которая, возможно, действительно расстроилась бы, узнав, что ее дочь весело проводит время на их широченной низкой кровати из черно-

го дерева. Эта дверь заперта на ключ мной. Потому что я не хочу, чтобы мои друзья во время наших пати захаживали туда, даже просто сидели на этих циночках, пусть ничего и не трогая. В комнате какой-то особенный дух, и я хочу, чтобы это пространство осталось только нашим – семейным.

Даже моя «нора» – это вроде как моё личное, и я пускаю туда немногих: Феликса, деда и парочку друзей – иногда. А в ту комнату – нет. Никогда. Может быть, я пустила бы переночевать туда дедушку, если бы он оставался у меня. Но дедушка всегда уезжает к себе. Поэтому сейчас – это только мой дом.

Итак, я мысленно хлопнула дверью, пытаюсь уединиться на кухне, в надежде успокоить свои нервы чередой суетливых движений. На обеденном столе рядом с сахарницей лежала свежая газета со статьей о теракте в Африке на первой полосе. Я хотела расчистить стол и зачем-то убрала и сахарницу, и газету в холодильник.

Феликс вошел, бросил коробки на стол, посмотрел на меня и сочувствующе заверил, что всё наладится.

Потом устало плюхнулся на диван-уголок. Тут он вспомнил, что не разулся, поспешно стянул с себя ботинки, бросив их под стол, и залез на диван с ногами. – Садись! Покажу, что мне удалось добыть! – и скорчил, как он любит выражаться, «funny face».

Сейчас его джим-кэрриевские ужимки меня просто раздражали. Но я сжала зубы, вздохнула и, просто чтобы отвлечь себя от дурных мыслей, тоже залезла на диван.

Феликс стал открывать коробки и жестом фокусника доставать из них какие-то белые матерчатые мешочки. В мешках прятались никелированные смесители.

— Вашему вниманию предлагаются суперкраны! Всю сеть облазил. Взял тебе на выбор. Как тебе такой кранчик? — продолжал свою комедию мой кулацкер, явно намекая на неоднозначную символичность крана.

— Мне не до кранов сейчас, ты же знаешь, — сказала я, из последних сил сохраняя спокойствие, — Пусть хоть потоп на кухне будет...

— Потопа не будет! – не унимался Феликс. – Вас спасет супергерой Ной! – Феликс поклонился, – Напоминаю, у вас всегда есть выбор!

Жестом профессионального рекламщика он уже срывал белые чехлы со смесителей.

Он вполне мог бы стать звездой комеди клуба и зарабатывать своим обаянием, участвуя в стенд-апах. Если бы умел складно

говорить. Но Феликс – технарь чистой воды. Вы спросите, что я тогда делаю с ним, имея за спиной два высших гуманитарных: ну, типа, вам поговорить есть о чем? Есть, не переживайте. Во-первых, он служил в армии. И за это я его уважаю. В смысле, не только за это. Он имеет кучу технических знаний, в которых я еще в школе заблудилась, да так и не выбралась. Так что он меня уже на две головы выше. Даже на три, потому что у Феликса разряд по кик-боксингу.

Короче, он жутко умный, в этом году закончил бауманку. И теперь, ошчастливленный волшебной бумажкой, – татататам, внимание! — не пошел в отрыв, не устроил себе отдых, не уехал в Индию и не мается кризисом «чем-же-мне-заняться-дальше». Он просто занимается тем, что любил все эти годы, – целыми днями копается в «железе» своих родных и знакомых, решая их проблемы с настырным удовольствием. Короче, в офисе не пашет, а работает сам по себе. Да, забыла: он также недорого чинит компы не только своим. Так что обращайтесь. Ну а краны – это так, хобби.

— Прошу также обратить внимание на упаковку!

Феликс расправил белые упаковочные мешочки на веревках, демонстративно нюхая их. — Теперь у вас есть дополнительная пара белых носков! На веревочках. Ой, простите, носков в паре оказалось три... — но Феликс сразу нашелся. — Лишний мешок предлагаю использовать в качестве марлевой повязки в условиях сильного задымления!

Я выдавила из себя беспомощную улыбку. Меня достал этот цирк.

— Железякин... Ты извини. Лучше уйди сейчас, а?

Я злуще так посмотрела на него. Он застыл на пару секунд.

— Ладно, понял. Уже ухожу. – Феликс встал. — Ты сейчас нервная. К тебе не подходи. Какой тебе всё-таки нравится?

Стоит со смесителями в руках, смотрит на меня глазами такими наивными, как у ребенка. Разве такого выгонишь...

— Без разницы.

Феликс кладет краны на стол. Кладет мне руку на плечо. Неужелюбе так, словно не знает, с какого бока ко мне подойти, чтобы я не оттолкнула.

— Они найдутся. Вот увидишь! С ними точно ничего не случилось. Я ж ясновидящий! Или яснознающий... А хочешь, я тебя за муж возьму?

Тут я схватила со стола чашку и как грохну ее об пол! Она так и разлетелась вдребезги. В другое время его «предложение» меня

бы просто улыбнуло. А сейчас я взорвалась. Феликс всё делает как бы между прочим: ласковые слова вскользь, поцелуи по привычке... Что может быть омерзительнее?

Я убежала в гостиную, на диван, разревелась там, как дура. Не из-за замужества, конечно... Вообще, я ненавижу реветь на людях. Разве только при бабушке. Но он не считается.

— Вали отсюда!

Уходя, Феликс, наверное, решил меня рассмешить. Схватив в охапку ботинки и надевая их уже в прихожей, он взял всю вину на себя.

— Знаешь, я сам виноват, что довел тебя до слез! — Феликс хлопнул себя по лбу. — Носки должны были быть разными! — Он помахал оставшимся белым мешочком, а потом постучал пальцем по своему лбу. — Один левый, другой правый... Старый дурак...

— Ёк-дык-тыг-дык! — Я не могла не выругаться. Матом. Последнее время меня так клинит, что я стала ужасной матершинницей (Боже, слово-то какое — радость филолога! Матер-шинница).

Мат совершенно никак не вяжется с моим образом: вроде вся такая правильная девочка из интеллигентной семьи, и тут — на тебе! Это одна из моих дурных привычек, которая не раз проявлялась в самый неподходящий момент. Но избавляться от этого сейчас — ну разве до того мне? Давайте так: у нас тут типа цензура, но, чтобы мне постоянно не ставить «ПИП», как в телеке, мне придется время от времени писать здесь всякие «ё-словечки». Встречая их в тексте, переводите сами — вы ж люди грамотные — на выразительный язык отборного мата.

В Феликса полетела лежавшая на диване недочитанная книжка — не книга, а целый «кирпич», тяжелая. «Кирпич» перелетел гостиную, вылетел в прихожую и попал в мое же отражение в зеркальной дверце шкафа. Зеркало не разбилось, но треснуло...

Из прихожей донеслось бормотание Феликса.

— Ладно. Держись тут. До завтра.

Входная дверь грохнула — то ли обиженно, то ли подбадривающе, и я, наконец, осталась одна.

Я вышла в прихожую, чтобы запереть входную дверь. Подняла с пола книжку. Это был «Бойцовский клуб» Чака Паланика. Не помню, откуда она у меня. Ах, да, Гарик подарил как-то. Вечно он тащит ко мне, по его словам, «крышеснос».

Я взглянула в зеркало. В полутьме я напоминала тень — только очки поблескивали отражающимся в них светом гостинного торше-

ра. Зеркало делила длинная вертикальная трещина. Я надавила на нее пальцем, и она быстро поползла вниз, легко, словно анисовую травинку, разрезав мое отражение на две почти равные части.

Оставшись одна, я поревела как следует, потом зло вставила себе подмышку градусник (мне казалось, что я вся горю) и уселась думать о том, что же произошло. Мне вообще удастся сегодня сосредоточиться?! Зазвонил городской телефон. По-видимому, не удастся...

Я ждала звонка, потому сразу бросилась к трубке, поймав на лету выпавший градусник.

— Алло! Алло! — хрипло заорала я.

— Тьфу ты! — зазвучал в трубке недоуменный дедушкин голос, — Да не кричи ты так! Это я. Есть новости?

— Нет, — произнесла я сдавленно. — А у тебя?

Дедушка в трубке насторожился и, конечно, выпрямился. Он всегда следит за осанкой. Его любимый фильм «Офицеры». Тут я бы опять сделала вам своеобразный «имаджинейшн спойлер» (imagination spoiler), давайте его так назовём: чтобы вы даже не пытались представлять себе моего деда таким, каким вам вздумается, я скажу, что он похож на покойного актера Пороховщикова. Вылитый. Только дедушка — не актер, а бывший военный хирург. Но по специальности он давно не работает, а имеет прямое отношение к кино.

Кино — это его большая страсть. Он и меня с детства кормил только этим: никаких парков-аттракционов, никаких зоопарков — кино, кино, кино... Его постоянно приглашают в качестве медэксперта на разные кинопроекты. Большой человек, практически за небом.

— Внуча, ты что, плакала?

Иногда у меня такое ощущение, что дед видит сквозь стены. Может, он поставил себе «видеояню»? Так, кажется, называется штука, чтобы следить за детьми из другой комнаты? Но он сидит на даче, а я в Городе М. К тому же, я далеко не ребенок.

Я немедленно вытерла щеки ладонью. Но дед уже начал кипятиться.

— Панихиду уже справила? Навыдумывала себе всякой чертовщины! — Сердиться дед начинает легко. И в этом я в него. — Да если бы хоть один из наших пострадал, мы бы это первыми узнали...

Я перед экзаменами так не металась по коридору, как тогда по гостиной — туда, обратно...

— Деда! И выдумывать ничего не надо! Как Шамиль летом из Австрии вернулся, разве не помнишь?! В гробу цинковом! «Диплома-

тическая командировка!» Хотя кто-нибудь в новостях это осветил?! Будут тебе устраивать международный скандал...

Это была чистая правда. Наш хороший знакомый Шамиль так и не вернулся из заграничной командировки. И никто так и не объяснил его родным, что произошло. Просто пришел гроб. Цинковый.

А два года назад, еще на пятом курсе, пропал мой одногруппник Саша Левин... Просто пошел утром в универ – и исчез. Никто его не видел. Все в группе считали его укурком, но я-то знаю, что он не такой. Он рубил в мобилах, как бог, и мне одну шахматную игрушку поставил, просто шикарную, чтобы я не страдала на психологии. Короче, нормальный был парень. Жаль его...

Люди исчезают, и никто ничего не может объяснить... Вот я и поперхнулась на слове «скандал», закашлялась. А может быть, просто от смога.

— Ты совсем не умеешь ждать! – Дедушка, как всегда, был прав. Чего не умею, того не умею. — Завтра я буду звонить в посольство.

Пытаясь откашляться, я прислонилась спиной к книжной полке и всё-таки решила взглянуть на градусник: сколько же у меня там «натикало». На улице жара – просто в Африку не ездят, а у меня жар вздумал... Тридцать девять и два...

— Это я во всем виновата... — почти бредила я дедушке в трубку.

— Что? Опять как тогда? Опять за старое?! – почти ласково проорал дедушка.

Я случайно задела что-то локтем. Книжки и фотоальбомы посыпались с полок, сбивая с ног африканских слонов, пузатых негрят из черного дерева и прочую мишуру.

— Да, да, — бормотала я, собирая выпавшие из альбома фотографии, — это я его убила... и теперь...

— Да что ты о себе возомнила?! – кажется, дедушка не на шутку рассердился. — Вершительница судеб! Ты что, совсем спятила?!

— Деда, тебе нужны доказательства?! – тут из одного альбома высыпался целый ворох каких-то фотографий.

Это были не просто фото. Это были вещдоки! На них мне было лет 13 – 14-ть. На одних я была с братом-близнецом, на других рядом со мной улыбалась сестра-близнец.

— Деда... Я перезвоню...

* * *

Ночь была бесконечная... Я сидела на подоконнике, у открытого окна, и было такое ощущение, что сейчас мне «откроется». Я схватилась за вещдоки, как утопающий за обламывающуюся кромку льда. Фотографии были рассыпаны по подоконнику, по столу, по полу. Я усиленно думала. Когда же всё началось?

Я снова пыталась разгадать головоломку, раскладывая пасьянс из фотографий: фотоколлаж, фотомонтаж, фотопутешествия, фотосумасшествия... Хм, а ведь действительно качественно сделанные монтажи!

То, что происходило со мной в последнее время, казалось мне сейчас бессмысленным. Всё, кроме этих фотомонтажей. Теперь лишь они были для меня реальной жизнью...

Когда-то я превратила реальную жизнь в иллюзию. Когда?

Вот тут я совсем маленькая, тут я с мальчиком, который старше меня лет на десять. Я не хочу сейчас думать о нем.

Я не любила реальность. И теперь она отплатила мне...

Эти фото были сделаны, когда мои родители стали появляться в Городе М. всё реже. Они все чаще месяцами пропадали по работе где-нибудь в Африке или Индонезии. И фотомонтажи были очень даже неслучайными.

Я бы могла вам сейчас рассказать о том, что в ту ночь я кое-кого встретила, и что если бы не эта встреча, я бы ни капельки не изменилась. Возможно, я бы осталась той серой мышью, которой всегда была – или хотела быть. Но... я не могу вот так взять и всё выложить разом, открыться первому встречному. Сперва мне нужно привыкнуть к вам, подойти поближе. Я заранее знаю, что вы ничего про меня не поймёте! Но если хотите понять – хоть чуть-чуть, хоть самую малость, — поживите недолго в моей коже...

Если бы я могла показать вам всё это как фильм, у нас не ушло бы и десяти минут на эту нарезку в качестве начала. Например, как в первых сценах «Амели» — вот папа, вот мама, вот вся эта нудятина из детства, которая на меня повлияла. А я бы просто сидела и водила по экрану лазерной указкой. Хотя, может, я уже живу внутри какого-то клипа, срежиссированного... вами?

Всегда кажется, что с тобой не может произойти ничего страшного. А если оно вдруг происходит, то просто невыносимо как хочется отмотать фильм назад, сделать «Cut» — вырезать всё про-

шное, начать кино заново. Конечно, не в смысле опять писаться, ходить в детский сад и скучать на химии в школе. А просто быть здесь и сейчас без всяких мыслей о прошлом. Как-то так.

* * *

В туманной дымке лучики огня города растворяются, как стуженка в чае. Потоки воздуха от шуршащего вентилятора ритмично приподнимают подол моего домашнего сарафана. Он игриво танцует на моих коленях, а я периодически ловлю его за край и стираю им капельки пота со лба. Пропеллер, заключенный в клетку вентилятора, мотается из стороны в сторону и словно пытается оттуда сбежать – взмыть над городом М., полететь над молочной дымкой выше, выше – туда, где каждый свободен, туда, где свободен сам город, где дым уже не имеет власти.

Прищурившись, я смотрю на город сквозь ресницы, потом широко открываю глаза – эффект тот же. Сфуматированные крыши города плывут куда-то против движения ветра. Нужен ветер по сильнее, чтобы раздуть дым. Сижу, обхватив колени и плечи руками. Я прошу о ветре...

Я живу на последнем этаже невысокого дома, которому в обед сто лет. Буквально. Но эту древность я бы не променяла ни на какие высоты новостроек. В своей «норе» на чердачке, на пятом с половиной этаже, я вроде должна была бы чувствовать себя немного ближе к небу, выпросить в подарок у деда телескоп и считать звезды. Но нет. Я больше люблю сидеть здесь – у огромного окна в гостиной – и пялиться во двор. Смотреть на небо в Городе М. не имеет смысла. Тут оно никогда не бывает тёмным, как на даче, и звёзд здесь почти не видно. По крайней мере, из моего окна небо всегда выглядит слишком светлым, ослепленным городскими огнями. Единственную звезду, которую хорошо отсюда видно, можно пересчитать одним пальцем – это кремлевская. Интересно, можно ли на нее ориентироваться, если заблудился или просто оказался в каком-нибудь жизненном тупике?

Я не спала несколько ночей, потеряла интерес к любимой пицце и сделала столько звонков по всевозможным госинстанциям, что, кажется, продавала кнопки домашнего телефона. 495..., 495..., 495... Уверена – если я вдруг потеряю память, единственное, что я

буду помнить – телефонный код города М. Писклявые переборы в трубке стали моим гимном, а фразы на режиме ожидания — новым «Отче наш». Номера разные, но из-за кода такое ощущение, что, пытаюсь узнать хоть что-то о родителях, я звоню одному и тому же абоненту. Я даже представила себе на другом конце провода такую огромную грудастую тетку – пробивную и горластую. Звали бы ее как-нибудь Москва Владимировна, допустим. А что, прекрасное женское имя.

От дыма мое сознание теряет ясность. Открываю новую «Приму Ностальгия» с портретом Сталина на пачке. Это тоже подарок Гарика. Может, прежде чем идти ко мне на день рождения, он грабанул лавку древностей? Если честно, я не собиралась начинать курить. Думала, пригодится для коллекции, и дедушку хотя бы порадую. Но тут решила открыть. Может, это поможет уйти в прошлое.

Забираюсь на диван и пальцами надавливаю на виски. Увидев своё отражение в зеркале в прихожей, я откладываю сигарету, тушу ее. Даже отсюда видна зловещая трещина, словно ланцетом разрезавшая меня на две части.

В комнате горит свеча. Странное дело: возможно, из-за дыма, стоящего не только на улице, но и в квартире, вокруг свечи вместо ареола света расплывается какое-то странное тёмное, словно чернильное, пятно. Свеча не освещает пространство, наоборот, будто скрадывает его...

Мне вдруг подумалось, что эта темнота просочилась сюда из зазеркалья. Сегодня вечером мои страхи лезут наружу. Быть может, они лезут как раз из этой трещины? Мне хочется отмотать это чертово кино назад. Джик-джик! (Я с силой опять надавливаю на голову, словно пытаюсь пальцами нащупать мозг.) Отмотать назад, чтобы пересмотреть свою жизнь снова. В 3D. В четыре дэ. Пять дэ. Шесть дэ. И тэдэ...

Дамы и господа! Добро пожаловать в сверхсовременный кинотеатр, моделирующий ваше подсознание. Занимайте места согласно купленным билетам. У вас есть уникальная возможность выбрать и просмотреть любой фрагмент вашей жизни, причем с особыми спецэффектами — полным воспроизведением запахов, вкусов и тактильных ощущений.

Евклидова-геометрия! Кажется, я перестаралась с массажем мозга... К какому моменту отматывать запись-то? Может быть, сюда?

Чтоб не переборщить, я осторожно (или трусливо) отматываю память всего на один день.

Сегодняшнее утро. С папкой подмышкой иду по переулку. Мимо меня вяло ползут пешеходы – каждый третий в марлевой повязке. Машины пробираются сквозь дым с включенными противотуманными фарами. Направляюсь в посольство Кот-д`Ивуар, тороплюсь. Кажется, ничего не забыла: паспорт, загранпаспорт, фотографии...

Вдруг одной пожилой женщине, без повязки, становится плохо. К ней подходят две другие, подхватывают ее и усаживают прямо на тротуар.

— Сердце...

— Звоните в «Скорую»!

— Что же вы без повязки?

— У меня валидол есть с собой. Возьмите.

Я опаздываю, поэтому, когда понимаю, что старушке помогут, вздыхаю с облегчением. Нет, не так. Не только потому, что тороплюсь. Еще в детстве я не любила играть в доктора. При этом я не боюсь крови, у меня нет брезгливости к гнойным ранам. Я вообще спокойно присутствовала на вскрытии трупа в седьмом классе, когда папа взял меня с собой. И он, и мама надеялись, что я тоже стану врачом. А я решила еще раньше, не помню когда: по стопам своих родителей я не пойду. Не хочу быть такой, как они.

Оглядываюсь на старушку, переходя дорогу. И слышу скрежет тормозов! Твою мышь! За рулем квадратного серебристого джипа-гелендвагена, который то ли за форму, то ли за хай-тэк цвет в народе ласково называют «холодильником», сидит какая-то наглая рыжая девушка (ярко-рыжая, Феликс по сравнению с ней – просто блондин!). Прёт как танк, а я тороплюсь. Она открывает окошко:

— Вы в порядке?

— Противотуманки включи, если не видишь!

— Так это ж вы на красный!

Я смотрю на светофор – действительно. Но я даже извиниться не успела. Она, довольная, что оказалась права, поехала дальше – наверное, к своему папочке, совместный бизнес строить.

Подхожу к зданию посольства, возле которого стоят темнокожие охранники в форме. Вхожу внутрь.

В холле людей толпится – тьма тьмущая! И все модные атрибуты последних трех лет: веера, брызгалки. Люди, как машины, не пере-

стают махать веерами уже на автомате, даже тут – при адски холодном кондишене.

Рядом со мной стоит какой-то парень, русский, с дредами, длинной такой. Мы разговорились с ним. Оказалось, он повёрнут на регги. Кто бы сомневался!

— Нет, сегодня вряд ли, — наклоняется ко мне дредастый. — Если бы два дня назад, то другое дело. Вы ж видели в новостях, что там творится...

— Но у меня там родители! — возмущаюсь я. — Меня должны пустить. Я не могу до них дозвониться...

Дредастый присвистывает, придвигается ко мне ближе и переходит на «ты».

— Родители?! Тогда точно завернут! Лучше что-нибудь сочини для отмазки, — Он думает пару секунд. — Я еду туда на встречу фэнов регги. Хочешь, типа со мной?

Я кошусь на его лохматые дреды, потом свои волосы, пряжёншешенькие как конская грива.

— Нет, спасибо... — произношу неуверенно. — Бред какой-то! У меня родители там на звонки не отвечают. Ни по домашнему, ни по рачему, ни по какому. А тут теракт...

Парень со спокойным видом пожимает плечами.

— Был тут один. Только что вышел. Так у него там матушка на конференции... — Он мотает головой. — Не дали визу. Родственников стараются в таких случаях не пускать. Тем более, сегодня эта принимает.

Парень кивает на темнокожую тётку, сидящую за окошком приема документов. Судя по неприступной мине на ее лице, она бы вполне могла сыграть темнокожего робота-полицейского в каком-нибудь фильме категории «В». Тетенька-робот внимательно изучает чей-то паспорт, затем скрупулезно сверлит глазами его владельца.

— Эта каждого второго заворачивает, — поясняет мне на ухо дредастый.

Ёперный посол! Он начинает меня нервировать. Точнее, если разобраться, то она. Поэтому я подхожу к окошку, где сидит тетенька-робот, и обращаюсь к ней чуть ли не со слезами.

— Девушка, мне очень нужна виза! Я еду... на конференцию. Медиц... — тут осекаюсь, — по проблемам йоги!

Тётка удивленно поднимает брови — внимательно смотрит на меня. Потом говорит почти без акцента.

— Да что вы говорите! А у йогов есть проблемы?

Вот тебе и йога-камасутра! Зачем я только сказала ей про йогу,

лучше бы медицинская конференция! Ага, а вдруг она медицинский диплом потребует? Я буду оправдываться, что у меня родители медики там. Ну и не пустят. А ведь мне как раз к ним и надо!

— Я понимаю, все эти события... но мне очень нужно! — продолжаю умолять.

Тётка — ну точно робот — выдерживает антиэмоциональную паузу и спокойно произносит:

— Вы вот йогой занимаетесь, а я тоже йогой занималась. Покажите мне позу «Горы»!

Если честно, я никакой позы «горы» не знаю. Может, она выдумала ее? Я вообще йогой только три недели занималась, когда мы в Индии были. И то названия там — язык сломаешь — все по-индийски. А тут — «горы» ей подавай... Смотрю в недоумении на нее, затем на стоящих в очереди.

— Но... тут же люди! — говорю с негодованием. Словно это единственная причина, по которой я не хочу делать позу.

Безжалостная тетенька за окошком пожимает плечами.

— Откуда мне знать, что вы говорите правду?

Я молчу в смятении, нервно постукиваю ладонью по своей папке с документами, лежащей на стойке перед окошком.

— Вы хотите получить визу? — не унимается она.

— Понимаете, йога... — Я ж вроде русская, а русские не сдаются! — ...Это ведь не только позы. — Тут я права абсолютно. — Ее основная идея совсем не в этом...

А тетенька просто «рогом встала»: «Поза «Горы» — или вы не йог!»

— Главное — это внутреннее состояние, — продолжаю мямлить я. — Йога — это философия...

Тут тетенька-робот прямо в азарт вошла. Наверное, недавно закончила курсы для роботов по изощренному садизму. Как рявкнет:

— Девушка, в последний раз спрашиваю — вы хотите получить визу?

Вот ни единого слова не привираю! Так и было сегодня. Я растерянно снимаю очки, беру папку, медленно отхожу от стойки. На меня устремлено множество сочувствующих глаз. Парень с дредами качает головой: мол, я же говорил. Блджад...

Я бросаю папку на пол. Скорее, обреченно, чем отчаянно-залихватски. И выдыхаю:

— Йога!

Я становлюсь головой на папку. Становиться на голову нас учили на физре еще в шестом классе. Тетенька-робот, перевернутая

для меня вверх тормашками, чуть не вылезла из своего окошка от удивления. А зубы, белые-пребелые, прямо над ее темным носом, так и клацнули.

Тут бы мне написать: «Пораженная моим неистовым напором и находчивостью, неподкупная страж порядка всё-таки сдалась и выписала мне визу».

Ага. Щаз! Бежит и волосы назад. Через пару секунд я рухнула на пол. И никакой визы мне не дали. Политика...

* * *

Этот Город не отпускал меня. Он не боялся, что я возненавижу его. Или прокляну. Или просто навсегда забуду его имя. Город М. равнодушно и холодно, сквозь адскую жару и inferнальный дым, испытывал меня на прочность.

Я решила пойти в обход: полететь в Ямусукро через какую-нибудь третью страну, где не требуется виза. А уже на месте прикинуться дуручкой, рассказать про клинику – там ее все знают. План, конечно, не очень, но другого мне в голову пока не приходило.

Сориентировавшись по ценам на авиабилеты, я поняла, что денег у меня на карте не хватает. Можно было попросить у бабушки – но он считает меня паникёршей, а значит, будет отговаривать от поездки, настаивая на том, чтобы я подождала. Занять у Феликса – вариант еще хуже, так как он паникёр еще побольше моего.

Порывшись на полках, я нашла небольшой сервиз — мамино фамильное серебро. Его, конечно, жаль, но это как раз то, что мне поможет попасть к родителям. Однако, серебро настолько почернело, что мне понадобилось часа два на то, чтобы при помощи зубного порошка, как всегда делала мама, реанимировать цвет сахарницы и молочника и заставить поднос сиять. Зато потом, смотрясь в него, как в зеркало, я подправила макияж, и уже через пятнадцать минут была в Большом Афанасьевском.

Отдышавшись после быстрой ходьбы, я нашла знакомый уже ломбард. Недавно, когда у бабушки была полукруглая дата, у меня было совсем плохо с финансами. Пришлось побродить по староарбатским ломбардам – сдать одну золотую вещь и занять денег ровно столько, чтобы хватило на достойный подарок деду. Стыдно признаться, но этой вещью была золотая челюсть из пяти